

# КОММУНИКАТИВНАЯ СТИЛИСТИКА ТЕКСТА

УДК 81/42

*Н. С. Болотнова*

## О ВАРИАТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

На материале стихов разных лет русских поэтов исследуются общность и различие в содержании и эстетической актуализации художественных концептов «весна» и «жизнь», выявляются средства их узуальной и индивидуальной образной репрезентации с учетом ассоциативных связей. Определяются некоторые закономерности в варьировании содержания и структуры рассматриваемых концептов, как объективно связанные с их разными гранями, так и обусловленные субъективно своеобразием авторской интерпретации и творческого замысла поэтов, темой и ситуацией. Установлен разный вариативный потенциал исследуемых художественных концептов, связанный с их спецификой, семантикой номинатов концептов, их коллективным ассоциативным полем и разными типами вербализованных в рассмотренных поэтических текстах ассоциаций. Исследование выполнено в русле когнитивного направления коммуникативной стилистики текста и теории регулятивности.

**Ключевые слова:** *художественный концепт, вариативный потенциал концепта, поэтический текст, регулятивность, текстовые ассоциаты, текстовое ассоциативное поле концепта.*

Поэтическая картина мира разных художников слова ввиду своеобразия их образного восприятия мира вызывает неизменный интерес исследователей. При коммуникативном подходе к тексту для анализа диалога автора и читателя важно изучение средств репрезентации художественных концептов, анализ их динамики в поэтических текстах разных авторов.

Под художественным концептом нами понимается единица поэтической картины мира автора, вербализованная в тексте, имеющая эстетическую сущность и образные средства выражения, обусловленные авторским замыслом, а также единица, не вербализованная в тексте, являющаяся элементом сознания автора. Последнее не является объектом рассмотрения в данной статье. К числу особенностей художественных концептов С. А. Аскольдов относил «индивидуальность», «психологическую сложность», «расплывчатость», «неопределенность» [1, с. 274], «художественную ассоциативность» (ср.: «Связь элементов художественного концепта зиждется на совершенно чуждой логике и реальной прагматике художественной ассоциативности» [1, с. 275]). Данная специфика художественных концептов определила принятую в коммуникативной стилистике текста методику анализа художественных концептов на основе выявления их текстовых ассоциативно-смысловых полей, в состав которых могут входить различные текстовые парадигмы и текстовые ассоциаты [2–4].

Вслед за И. А. Тарасовой нами принято положение о послойной структуре художественного концепта, включающего, согласно концепции автора, слои: предметный, понятийный, образный, ассоци-

ативный, символический, эмоционально-оценочный [5, с. 75]. Считаем, однако, что существует приоритет ассоциативного слоя, позволяющего актуализировать его остальные стороны («слои»): предметный, понятийный, образно-символический, эмоционально-оценочный на основе разных типов ассоциаций (референтных, тематических, ситуативных, языковых, когнитивных, культурологических) (см. подробнее [6]).

Исследователи поэтических текстов уже не раз подчеркивали способность вербализованных в них художественных концептов к изменению содержания. При этом речь может идти о межтекстовом варьировании на материале творчества одного автора или разных. И. А. Тарасова, например, писала о «возможности эволюции концептуального содержания от одного периода творчества к другому» [5, с. 77]. В задачи данной статьи входит изучение вариативного потенциала художественных концептов на межтекстовом уровне в творчестве разных поэтов. Выявление некоторых общих закономерностей изменения содержания и структуры концептов, их вариативного потенциала, т. е. потенциальной способности к варьированию содержания и структуры, представляет интерес для изучения поэтического узуса и идиостиля авторов. В стихах разных лет русских поэтов для анализа были взяты два художественных концепта – «весна» и «жизнь», выбор которых был обусловлен их разной способностью к варьированию.

1. Для изучения концепта «весна» в свете поставленных задач были рассмотрены 55 стихотворений, в названии которых содержалось ключевое слово-номинат концепта или производные от него,

а также тексты, в которых был вербализован данный концепт, как известных русских поэтов-классиков, так и современных, мало известных авторов: Е. Баратынского, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева, А. Майкова, А. Фета, Ф. И. Тютчева, И. С. Никитина, А. Плещеева, Н. Некрасова, А. К. Толстого, И. Бунина, А. Белого, В. Брюсова, С. Есенина, В. Маяковского, Ю. Мориц, М. Пляцковского, С. Я. Маршака, А. Барто, И. Касаткиной, А. Юсупова, А. Валевско-го и др. [7–11].

Весна в толковом словаре определяется как «время года, следующее за зимой и предшествующее лету»; отмечается и переносное значение слова-номинала концепта: «Весна жизни (перен.: о молодости)» [12, с. 76].

С этими признаками культурного концепта напрямую связаны данные коллективного ассоциативного поля номинала концепта *весна*, судя по статье в «Русском ассоциативном словаре» (РАС) [13, с. 85], где преобладают временные (темпоральные) ассоциаты (210): *пришла 69; ранняя 32; лето 25; осень 16; зима, идет 12; наступила 5; время года, долгая, поздняя, 3; затяжная, май, пора любви, студенческая, утро 2, апрель, в разгаре, время, дембельская, день рождения, запоздалая, перемена, июль, наступает, наступление весны, начинается, не приходит, ночь, плохое время года, рано, рассвет, сейчас, сессия, сорок пятого, 8 марта 1*. Пространственные реакции менее характерны для стимула «весна» (17): *на улице 7; на Заречной улице 5; без конца и без края 2, за окном, на дворе, на Пироговке 1*.

На втором месте по частотности находятся эмоционально-оценочные реакции (156): *красна 85; любовь 18; прекрасная 8; любви 6; красная 4; прекрасна, прекрасно, радость 3; пора любви, праздник, светлая, счастье 2; в крови играет, грусть, жизни, краса, красива, красота, ласковая, обновляющая, ожидание чуда, плохое время года, радостная, радостное, священная, ура, хорошая, хорошо, чудо, это радость 1*.

Весна в сознании носителей русского языка чаще всего ассоциируется с моторно-двигательными представлениями (81 реакция): *пришла 69; наступила 5; бурная, дышать, ледоход, пробуждение, пробуждение жизни, с юга птицы прилетели, тающий снег 1*; осязательными, включая синкретичные образы (66): *солнце 20, теплая 17; тепло 13; холодная 8; дождливая, слякоть, солнечная 2; сырая; распутица 1*; с яркими зрительными представлениями, включая синкретичные (52): *солнце 20; зелень 6; зеленая, зеленый, листья, светлая, солнечная 2; все расцветает; в цвету; голубой; зеленое; зеленые деревья; золотая; нежная зелень, синь, и солнце, солнце и веснушки, тающий снег,*

*капель, лужа, цвела, цветущая; яркая, ясная 1; реже с обонятельными представлениями (3): благоухание, запах арбуза, запаха 1*.

К 44 реакциям, отражающим конкретные реалии, связанные с весной, составляющие ее «атрибутику», можно отнести: *цветы 12; зелень 6; вода 4; лужи, ручьи 3; березы, дождливая, зеленая, зеленый, листья, птицы, ручей 2; грачи, подснежники 1*. В коммуникативном аспекте важно, что в коллективное ассоциативное поле стимула *весна* входят и прецедентные тексты (96), составляющие 17 % от общего числа реакций (554), относящиеся к фольклору, стихотворению А. Блока и названию кинофильма: *красна 85; на Заречной улице 5; красная 4; без конца и без края 2*.

Все рассмотренные особенности связаны с определенным коммуникативным потенциалом ключевого слова-номинала концепта. Под коммуникативным потенциалом слова нами понимается «закрепленная в сознании носителей языка благодаря ассоциативности мышления и имеющейся в обществе традиции употребления потенциальная способность слов прямо или косвенно соотноситься с определенными ситуациями общения, передавая «квант» знания о явлениях реального мира или сознания и определенный прагматический заряд (он может быть и нулевым)» [14, с. 65].

Обратимся далее к анализу вербализации художественного концепта *весна* в стихах. Показательно, что в 55 рассмотренных поэтических текстах разных авторов только в 23 отмечен психологический параллелизм, т. е. образное описание весны соотносится в них с состоянием человека, часто – лирического героя, переживающего, подобно природе, оживление, душевный подъем, расцвет сил и ожидание перемен и любви. Ср. примеры: *Что с нею? Что с моей душой? / С ручьем она ручей / И с птичкой птичка! / С ним журчит, / летает в небе с ней!* (Е. Баратынский); *Чем иным тебя прославить, / Жизнь души, весны приход?* (В. А. Жуковский); *Мне в душу повеяло жизнью и волей: / Вон – даль голубая видна... / И хочется в поле, в широкое поле, / Где, шествуя, сыплет цветами весна!* (А. Майков); *Всё весны дыханием согрето / Всё кругом и любит и поет* (А. К. Толстой); *О, весна! Как сердце счастья просит! / Как сладка печаль моя весной!* (И. Бунин); *Грудь апрельским восторгом объята. / Ветер пылью крутит за окном. <...> В небе свет предвечерних огней. / Чувства снова, как прежде, огнисты. / Небеса все синей и синей, / Облачка, как барашки, волнисты...* (А. Белый); *Ушла от нас зима на край земли, / И так тепло и тихо стало, / Как будто все печали с ней ушли, / И в жизни лишь хорошее осталось* (И. Кудрявцева) и т. д.

При этом в качестве ярких регулятивных средств, управляющих познавательной деятельностью

читателя, используются риторические вопросы, восклицания, обращения, метафоры, сравнения, эпитеты. Эстетически актуализируя благотворное влияние весны на душу человека, поэты разных лет стремятся передать читателю свои чувства в связи с обновлением природы и вызвать ответные эмоции.

При отсутствии психологического параллелизма в стихах о весне чаще всего дается конкретное образное описание ее примет с использованием персонификации, эпитетов, метафор, вызывающих эстетические чувства от художественно-образной конкретизации явлений природы; актуализируются типовые референтные, тематические и ситуативные ассоциации, отражающие признаки наступающей или наступившей весны. Ср. типовые референтные ассоциации, создающие яркие зрительные и слуховые образы весенних реалий, среди которых отмечены: *ручьи, лазурь, жаворонки, первая зелень травы и деревьев, первые цветы (часто подснежники)* и др.: *Весна, весна! Как воздух чист! / Как ясен небосклон! / Своей лазурию живой слепит мне очи он. <...> Шумят ручьи, блестят ручьи! Взревев, река несет / На торжествующем хребте / Поднятый ею лед!* (Е. Баратынский); *Только что на проталинах весенних / Показались ранние цветочки, / Как из чудного царства воскового, / Из душистой келейки медовой / Вылетала первая пчелка, / Полетела по ранним цветочкам, / О красной весне поразведать...* (А. С. Пушкин); *Зелень нивы, рощи лепет, / В небе жаворонка трепет, / Теплый дождь, сверканье вод...* (В. А. Жуковский); *Голубенький, чистый / Подснежник-цветок! / А подле сквозистый / Последний снежок...* (А. Майков); *Полюбуйся: весна наступает, / Журавли караваном летят, / В ярком золоте день утопает, / И ручьи по оврагам шумят* (И. С. Никитин); *Еще в полях белеет снег, / А воды уж весной шумят – / Бегут и будят сонный брег, / Бегут, и блещут, и гласят...* (Ф. И. Тютчев); *Черемуха душистая / С весною расцвела / И ветки золотистые / Что кудри, завила...* (С. Есенин).

В стихах поэтов XX – начала XXI в. отмечается та же тенденция, связанная с опорой на типовые референтные, тематические и ситуативные ассоциации: *Облака бегут быстрее. / Небо стало выше. / Зачирикал воробей / Веселей на крыше...* (С. Я. Маршак); *На березке тонкой у дорожки / Распустились новые сережки – / Клейкие, зеленые, душистые...* (И. Асеева); *Прибежал подснежник / В мартовский лесок, / Заглянул подснежник / В чистый ручеек. / И, себя увидев, / Крикнул: «Вот те на! / Я и не заметил, / Что пришла весна»* (Л. Кудрявская); *Травинки пьют прохладную росу, / И сыто улыбаются цветы, / И небо разливает бирюзу / Сквозь облака седые лоскуты...* (А. Юсупова) и т. д.

Использование оригинальных окказионализмов, прецедентных текстов и вызываемых ими те-заурусных и культурологических ассоциаций в стихах современных поэтов единично. В этом плане выделяется стихотворение Ю. Мориц «Динь! Дон!», в котором необычно используются персонифицированные окказионализмы, связанные с художественно-образной конкретизацией весны и приписыванием ей фамилии, имени и отчества, как человеку, по названию весенних месяцев и типовых весенних примет: *...Улыбка необъятная, – / До чего приятная! / Вот такой длины, / Вот такой ширины! / А по какому поводу? / Идет Весна / По городу! / Весна Мартовна Подснежникова, / Весна Апрельвна Скворешникова / Весна Маевна Черешникова!*

В целом художественный концепт *весна* хотя и воплощается в стихах поэтов по-разному на уровне использования изобразительно-выразительных средств, имеет много общего, связанного с вербализацией типовых языковых, референтных, ситуативных, тематических ассоциаций, актуализирующих ядерные признаки понятийного, предметного и образного слоев в содержании концепта. Направления ассоциирования, отражающие разные грани концепта, в целом являются постоянными. Сравнение с узуальным ассоциативным полем ключевого слова-номината концепта позволяет судить о значительном сходстве с представленными в стихах разных авторов текстовыми ассоциатами и общности направлений ассоциирования в произведениях разных поэтов от Пушкина и Баратынского до современных авторов. С этой точки зрения можно заключить о доминировании константных признаков содержания художественного концепта *весна* и ограниченности его вариативного потенциала, что определяет сильную регулятивность данных поэтических текстов и легкость и ясность диалога автора с читателем. На связь узуального и индивидуального в содержании художественного концепта указывала Л. В. Миллер, определяя художественный концепт как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [15, с. 41–42].

2. Обратимся к анализу другого концепта, отнесенного нами к бытийным, – концепту *жизнь*. В толковом словаре зафиксировано шесть разных значений слова-номината концепта: «1. Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи»... 2. Физиологическое существование человека, животного, всего живого (Дать жизнь кому-н. (родить; выск.; также перен.)... 3. Время такого существования от его возникновения до конца, а также в какой-н. его

период... 4. Деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях... 5. Реальная действительность... 6. Оживление, проявление деятельности, энергии...» [12, с. 194]. Очевидно, что многозначность ключевого слова рождает многообразие его концептуального осмысления. Отметим это как важный фактор в решении вопроса о масштабе вариативного потенциала художественного концепта, номинатом которого является лексема *жизнь*.

Наиболее частотные реакции в коллективном ассоциативном поле номината концепта, по данным РАС [11, с. 199], относятся к его эмоционально-оценочному слою (197 реакций), включая преимущественно позитивные эмоциональные реакции (113): *прекрасна 30; хороша 16; интересная, хорошо 6; веселая, любовь, прекрасная, счастливая 4; прекрасно, радость, счастье 3; весна, солнце, яркая 2; богатая, бьет ключом, в достатке, веселиться, замечательная, интересна, красивая, обождать, прекрасна и удивительна, припеваючи, не напрасно, радости и печали, светлая, светлое, светская, солнечная, счастливо, надежда удивительна, хорошая штука, ценность, это замечательно, это прекрасно, я люблю тебя 1*; и негативные эмоционально-оценочные реакции (84): *тяжелая, жестянка 12; сложная 4; трудная 3; борьба, нелегкая, пустота, сложная штука 2; бардак, без иллюзий, безотрадная, бесцельное существование, борьба за существование, впустую, запутанный лабиринт, калека, кошмар, моя жестянка, мрачная, мука, мучение, на волоске, неверие, невыносимая, не игрушка, не мед, несчастная, не удалась, однообразная, печальная, плохая, проблема, пустая, скука, если не жить, скучная, сложно, сломанная, собачья, страшная, суматошность, так себе, телячья, тоска, трудна, трудно, трудность, трудовая, тьма, тяжела, тяжелый, ужасна, чушь 1*.

Достаточно частотны реакции, отражающие протяженность во времени, признак долготы (краткости) (103): *долгая 16; коротка 13; короткая 12, длинная 8; продолжается, прошла 6, большая, вечность, впереди, долго, идет 3; без конца, век, начинается, пролетела, проходит 2; без края, вечна, вечная, вечный, долговечная, короткое, мимо, мимолетна, один раз, окончилась, предков, прожита, пройдет, процесс, прошедшая, прошлая, течет 1*. К контрастным реакциям (71) на стимул *жизнь*, коррелирующим с одним из базовых признаков «конечность жизни», относятся: *смерть 62; и смерть 3; кончена 2; гроб, окончилась, прожита, конец*.

Имеются и связанные с культурными представлениями о жизни реакции прецедентного типа, включая их элементы с трансформациями (57):

*прожить 9; прожить не поле перейти 7; взаимы 6; Клим Самгина 3, Мопассан, Фердинанд Люс, одна 2; Абхазия, без иллюзий, борьба за существование, бьет ключом, великих людей, есть жизнь, есть труд, запутанный лабиринт, за царя, земная, иль ты приснилась мне!, и науки, и слезы, картошка, копейка, на волоске, на Луне, на Марсе, не игрушка, не мед, не поле перейти, полосы, газета, если не жить, трудовая, хорошая штука 1*.

Среди ассоциатов есть такие, которые актуализируют субъектно-объектные отношения к жизни как процессу (48): *моя 9; человека 6; наша 3; Бекова, великих людей, все, вселенная, дети, город, для других, дом, его, Зоя, калека, Людовика, людская, мир окружающий, молодая зелень, небес, отдать, писателя, поэзия, предков, природа, птица, ребенка, ребенок, своя, семья, собаки, тусовка, я, я люблю тебя*.

Интересно, что в коллективное ассоциативное поле концепта *жизнь* входят и метафоры (49), отражающие типовые образные представления, включая такие признаки реальности, как *сложность, протяженность, интенсивность, яркость, позитивную и негативную оценку: жестянка 12; дорога 6; река 4; борьба, весна, малина, путь, солнце 2; без края, борьба за существование, бьет ключом, ветер, во сне, запутанный лабиринт, молодая зелень, моя жестянка, мука, мучение, на волоске, на всю, пашня, телячья, течет, тьма, чистая бумага 1*.

В целом типовые ассоциации на номинат концепта *жизнь* достаточно разнообразны, что обусловлено сложностью, многоаспектностью соответствующего явления; многозначностью номината концепта и корреляцией со многими реалиями окружающего мира и сознания (ср. ассоциаты: *существование 3, смысл, борьба, Мопассан 2, на Луне* и др.). В отличие от ассоциативного поля лексемы *весна* (в нем из 554 на долю единичных реакций приходится 101), индивидуальные реакции на слово *жизнь* особенно многочисленны (177 из 538) и разнообразны, что тоже является показателем большого вариативного потенциала рассматриваемого концепта, хотя среди ассоциатов есть и актуализирующие сходные с ядерными реакциями смыслы.

Фактически проведенный анализ коллективного ассоциативного поля концепта *жизнь*, отраженно в РАС, показал, что в нем фиксируются многообразные признаки содержания концепта, относящиеся не столько к его ядерной зоне, обозначающей «физиологическое состояние человека, живого существа (от зарождения до смерти, со всеми физиологическими процессами, со всем тем, что связано с функционированием и состоянием живого существа в стадии роста, развития и разрушения» [13, с. 61], сколько связанные с приядерной

зоной ментальных составляющих концепта и зонами ближайшей и дальнейшей периферии, если взять за основу термины, предложенные составителями проекта словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации: проспект словаря» [16]. Сравнение с данными словаря позволяет судить о сходстве и различии содержания вербализованного в поэтических текстах разных авторов художественного концепта с представлением о данном феномене в узусе.

К приядерной зоне ментального поля концепта *жизнь*, по мнению Л. Г. Бабенко, относятся «представления о различных существенных для понимания концепта аспектах конкретизации именуемого им факта, явления, события и т. д.» [16, с. 12]. Среди этих ментальных составляющих концепта в словаре названы: «различная длительность», «наличие начала и конца», «однократность», «уникальность», «разная степень интенсивности, проявляющаяся во внутреннем, физиологическом состоянии и во внешнем – в социальной деятельности» [16, с. 61–62], связанных с представлением о быте и бытии. В ближайшую периферию концепта Л. Г. Бабенко включает ментальные признаки, отражающие «внутреннюю психическую жизнь человека, его душу и сердце: мысли, чувства, переживания...» [16, с. 63]. К регулярным представлениям об ассоциативно-образном уровне концепта автором отнесены такие представления о жизни: *жизнь – природная стихия; источник света, огня; вещество, имеющее вкус; пространство, место в пространстве; движущаяся субстанция; транспортное средство; текст; театр; живое существо, способное говорить, перемещаться, играть, обмануть; сон; цветок; предмет различной формы; предмет, имеющий определенную ценность; предмет, имеющий определенные качества; предмет, имеющий определенный вес; предмет, имеющий определенную протяженность в пространстве* [16, с. 63–64]. Автором выделены и «национально-культурные компоненты и представления» с опорой на русские пословицы, поговорки, фразеологизмы и мифологические представления о дереве жизни [16, с. 64], а также зона «дальнейшей периферии» ментальной сущности концепта, связанная с представлениями «о субъективно-модальных и оценочных смыслах» [16, с. 16], включающих позитивную, негативную и сложную оценку жизни.

Широту и разнообразие вариативного потенциала содержания художественного концепта *жизнь* демонстрируют произведения русских поэтов разных лет: А. С. Пушкина, С. А. Есенина, И. Северянина, И. Бродского, Р. Рождественского и ряда современных авторов (всего рассмотрено 30 стихо-

творений). Общей в поэтической картине мира художников слова является связь концепта *жизнь* с концептами *время, смерть, любовь, счастье, борьба*.

О значительном вариативном потенциале концепта можно судить по тому, что в творчестве одного автора концепт *жизнь* в зависимости от ситуации и переживаемых эмоций может трактоваться по-разному. Так, в стихотворении А. С. Пушкина «Дар напрасный, дар случайный...» актуализированы такие признаки концепта, как «дар свыше» (ср. текстовую парадигму: *дар (2), дана*), «отсутствие цели» (на это указывают текстовые ассоциаты: *Цели нет передо мною; Сердце пусто, празден ум*), «однообразие» (ср. ассоциат: *Однозвучный жизни шум*), «тоска» (*И томит меня тоскою*): *Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана? / Иль зачем судьбою тайной ты на казнь осуждена? / Цели нет передо мною: / Сердце пусто, празден ум, / И томит меня тоскою / Однозвучный жизни шум*).

В другом стихотворении поэта звучит гимн жизни и призыв радоваться ей вопреки трудностям и обманам: *Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись! / В день уныния смиришь: / День веселья, верь, настанет. // Сердце в будущем живет; / Настоящее уныло: / Все мгновенно, все пройдет; / Что пройдет, то будет мило*. Актуализируются иные признаки концепта *жизнь*: «текучесть, изменчивость» (ср. смысловые текстовые парадигмы контрастивного типа: *настоящее – будущее; уныло – мило; печалься, день уныния – день веселья*); «конечность» (*Все мгновенно, все пройдет*); «способность обманывать» (*Если жизнь тебя обманет*), «оптимистическая оценка» (*День веселья, верь, настанет; Что пройдет, то будет мило*).

Чаще всего в анализируемых текстах эстетически воплощаются такие признаки концепта, как «конечность жизни», «быстротечность», «осознание ее ценности» и «желание носителя жизни действовать вопреки ее конечности». При этом используются смысловые текстовые парадигмы контрастивного типа: 1) *сознавая жизни быстротечность – жить рассчитывает вечность: Все умирает на земле и в море, / Но человек суровой осужден: / Он должен знать о смертном приговоре, / Подписанном, когда он был рожден. / Но, сознавая жизни быстротечность, / Он так живет – наперекор всему, / Как будто жить рассчитывает вечность / И этот мир принадлежит ему* (С. Я. Маршак); 2) *времена, время – вечность... Думала, все еще будет. / Думала, ну времена! / Думала, время рассудит. / Ан уж и вечность видна...* (Н. Ванханен). Авторы прибегают к персонификации и сравнениям, актуализируя хрупкость жизни, осознание ее конечности: *Трепет жизнь моя, как лист осенний: Вот-вот со-*

*рвусь! и унесет меня...* (Н. А. Варнаровский); используют такие яркие регулятивные структуры, как вариативный лексический повтор (термин Ю. Е. Бочкаревой) и синтаксический параллелизм: в стихотворении «Совет», например, каждое из пяти четверостиший начинается строками: *Не тратьте жизнь на тех, кто вас не ценит; Не тратьте слез на тех, кто их не видит; Не тратьте сил на тех, кто вам не нужен; Не тратьте слов на тех, кто их не слышит; Не тратьте жизнь, она не бесконечна...* (Л. Козырь). Благодаря такой композиции, анафорам, синтаксическому параллелизму эмоционально усиливаются признаки концепта «быстротечность жизни» и «ценность жизни» (ср. призыв автора в заключительном четверостишии: *Цените каждый вдох, момент и час...*).

Иногда в ситуации переживаемых трудностей и одиночества авторы указывают на пейоративные эмоционально-оценочные признаки концепта *жизнь*, прибегая к развернутым метафорам: *Когда упрек мне шепчет шелест нивы / Иль шум дерев; / Когда кипит во мне нетерпеливо / Правдивый гнев, / Когда вся жизнь моя покрыта тьмой / Тяжелых туч... / <...> моя душа в надежде и в сомненье / Тебя зовет...* (А. Толстой); *...Золотые, далекие дали! / Все сжигает житейская мреть...* (С. Есенин); используют конвергенцию на основе приемов градации, сравнений, метафоризации: *Не жалею, не зову, не плачу. / Все пройдет, как с белых яблонь дым. / Увядаешь золотом охваченный, / Я не буду больше молодым...* (С. Есенин) и т. д.

Что касается образного слоя данного художественного концепта, он отличается повышенной вариативностью. Жизнь ассоциируется в стихах поэтов разных лет со многим, что составляет смысл бытия: 1) с поиском, дружбой, движением вперед, семьей, близкими, родством с Человечеством, с землей, мечтой (ср. стихотворение Р. Рождественского «Человеку мало надо», в котором используется прием антифразиса, утверждается, как много надо человеку в его жизни); 2) с движением по лестнице с ее ступенями и перилами (ср. стихотворение И. Бродского «Одиночество»); 3) с активным действием, противопоставленным смерти, переданным благодаря необычной антитезе и метафоризации терминов *глагол / наречие*: *Жизнь – сплошной светлый глагол – / Не всегда удастся возвыситься, / часто смысл унижительно гол: / Гнать, держать, не дышать и зависеть. // Смерть не знает глагольной возни, / Синь бездонна, и море безбрежно, / И витают наречья одни: / Пусто, сыро, легко, безмятежно* (Н. Ванханен); 4) жизнь ассоциируется с игрой на основе развернутой метафоризации (*Извечный спор до хрипоты. / Вся жизнь – спектакль, идет премьера. / Герои пьесы – я и ты, / И суетятся костюмеры, / И декоратор жжет мо-*

*сты...* (Т. Кушнарева); 5) употребляются и типовые ассоциации с водой, актуализируя признак «текучесть»: *...А сердце? Нет... оно молчит... / Молчит и ждет, как лес дождя, / Из жизни будто уходя, устало, замерло, и ждет... / А жизнь бежит, а жизнь течет...* (И. Тетерчева); 6) часто используются образные параллели *жизнь – сон; жизнь – поиск*: *Мы живем, точно в сне неразгаданном, / На одной из удобных планет... / Много есть, чего вовсе не надо нам, / А того, что нам хочется, нет* (И. Северянин); *Жизнь моя, иль ты приснилась мне? / Слово я весенней гулкой ранью / проскакал на розовом коне...* (С. Есенин); 7) жизнь ассоциируется с цветением (*Будь же ты вовек благословенно, / Что пришлось процветать и умереть* (С. Есенин)); 8) связана образно с борьбой: *– В чем смысл твоей жизни? – Меня спросили. / – Где ты видишь счастье свое, скажи? / – В сраженьях, – ответил я, – против гнили / И в схватках, – добавил я, – против лжи...* (Э. Асадов) и т. д.

Таким образом, как показал анализ художественно-образной конкретизации концепта *жизнь* в разных стихах русских поэтов, есть константные признаки культурного концепта, характерные для русской картины мира в целом, которые по-разному образно воплощаются авторами, такие, как *конечность и быстротечность, бренность*. Есть общие признаки концепта, характерные для его образного слоя (*жизнь – игра, театр; жизнь – борьба; жизнь – сон; жизнь – вода*), которые также по-разному воплощаются в поэтической картине мира авторов. В рассмотренных стихах имеются и такие признаки концепта, которые отражают оригинальность и неповторимость авторского мировосприятия (ср.: *жизнь – лестница; жизнь – цветение; жизнь – глаголы*). Направления ассоциирования, отражающие разные грани сложного по структуре и содержанию концепта *жизнь*, отличаются большим разнообразием и вариативностью не только на уровне художественной формы, но и содержания.

В целом очевидно различие вариативного потенциала рассмотренных художественных концептов *весна* и *жизнь*. В первом случае в поэтических текстах авторов разных эпох и стилей доминируют константные признаки, во втором случае велика роль переменных признаков, актуализирующихся не столько благодаря тематическим и референтным ассоциациям, сколько благодаря языковым, ситуативным, культурологическим и когнитивным ассоциациям с различными идеями, понятиями, концептами.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые предварительные выводы о том, что вариативный потенциал художественных концептов зависит от коммуникативного потенциала номината

концепта, включая его семантику (однозначность/многозначность), широту и разнообразие ассоциативных связей в узусе, их особенности (масштаб типовых реакций и их многообразие); от типа концепта, его актуальности, сложности, имеющихся речевых традиций и стереотипов. Важны и субъек-

тивные факторы, связанные с особенностями языковой картины мира поэта и его творческого замысла. Дальнейшее изучение проблемы варьирования художественных концептов представляется перспективным для исследования поэтического узуса и идиостиля разных авторов.

### Список литературы

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
2. Болотнова Н. С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998. С. 242–247.
3. Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2007. Вып. 2 (65). С. 74–79.
4. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. 3-е изд., доп. М., 2007. 520 с.
5. Тарасова И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003. 280 с.
6. Болотнова Н. С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 198–207.
7. <http://www.stihi-rus.ru> (дата обращения: 06.01.2015).
8. <http://stihi-russkih-poetov.ru> (дата обращения: 06.01.2015).
9. <http://www.russlav.ru> (дата обращения: 06.01.2015).
10. <http://lossofsoul.com> (дата обращения: 06.01.2015).
11. <http://ostrovok.de> (дата обращения: 06.01.2015).
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
13. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М., 2002. 784 с.
14. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М., 2009. 384 с.
15. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
16. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации: проспект словаря / под общей ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 340 с.

Болотнова Н. С., доктор филологических наук, профессор.  
Томский государственный педагогический университет.  
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.  
E-mail: nisb@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 19.01.2015.

*N. S. Bolotnova*

### VARIATIVE POTENTIAL OF FICTION CONCEPT IN POETIC TEXTS

The article contains a research of common features and differences in content and esthetic actualization of fiction concepts “spring” and “life” on the material of the Russian poets’ verses. Means of their usage and individual figurative representation with glance to associative connections are examined in the article. Some regularities in variety of content and structure of concepts, which are connected with their different sides reasonably and are conditioned subjectively by peculiarities of the author interpretation and creative conception of poets, theme and situation were determined in the article. Different variative potential of researched fiction concepts connected with their specificity, semantics of concept’s nominative, their collective associative field and different types of verbalized in poetic texts associations were established. The research is done in cognitive trend of communicative stylistics of text and regulative theory.

**Key words:** *fiction concept, variative potential of concept, poetic text, regulativity, textual associates, textual associative field of concept.*

### References

1. Askol'dov S. A. Kontsept i slovo [Concept and word]. *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k structure teksta. Antologiya*. Pod red. prof. V. P. Neroznaka [The Russian philology. From theory of philology to text structure. Anthology]. Ed. prof. V. P. Neroznak. Moscow, Akademiya Publ., 1997. Pp. 267–269 (in Russian).

2. Bolotnova N. S. Ob izuchenii assotsiativno-smyslovykh poley slov v khudozhestvennom tekste [Researching of associative and semantic fields of words on fiction texts]. *Rusistika: Lingvisticheskaya paradigma kontsa XX veka* [Russian philology: Linguistical paradigm of the end of the XX-th century]. St. Petersburg, 1998. Pp. 242–247 (in Russian).
3. Bolotnova N. S. O metodike izucheniya assotsiativnogo sloya khudozhestvennogo kontsepta [Methods of studying of associative part of literary concept in text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2007, vol. 2 (65), pp. 74–79 (in Russian).
4. Bolotnova N. S. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of text]. Edit. 3, add. Moscow, 2007. 520 p. (in Russian).
5. Tarasova I. A. *Idiostil' Georgiya Ivanova: kognitivny aspekt* [Idiostyle of Georgiy Ivanov: cognitive aspect]. Saratov, 2003. 280 p. (in Russian).
6. Bolotnova N. S. Poeticheskaya kartina mira i yeyo izucheniye v kommunikativnoy stilistike teksta [Poetic world picture and its research in communicative stylistics of text]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian philological journal*, 2003, no. 3–4, pp. 198–207 (in Russian).
7. URL: <http://www.stihi-rus.ru> [accessed 6 January 2015] (in Russian).
8. URL: <http://stihi-russkih-poetov.ru> (accessed 6 January 2015) (in Russian).
9. URL: <http://www.russlav.ru> (accessed 6 January 2015) (in Russian).
10. URL: <http://lossofsoul.com> (accessed 6 January 2015) (in Russian).
11. URL: <http://ostrovok.de> (accessed 6 January 2015) (in Russian).
12. Ozhegov S. I., Shvyedova N. Yu. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4-th edit. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (in Russian).
13. Karaulov Yu. N., Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V. et al. *Russkiy assotsiativny slovar' v 2 t. T. 1. Ot stimula k reaktsii* [Russian associative dictionary in 2 vol. Vol. 1. From stimulus to reaction]. Moscow, 2002. 784 p. (in Russian).
14. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of text: thesaurus]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. 384 p. (in Russian).
15. Millyer L. V. Khudozhestvenny kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya [Fiction concept as a semantic and esthetic category]. *Mir russkogo slova – The world of the Russian word*, 2000, no. 4, pp. 39–45 (in Russian).
16. *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii: prospekt slovary* [Concept sphere of the Russian language: key concepts and their representation: dictionary folder]. Ed. prof. L. G. Babenko. Yekaterinburg, izd-vo Ural. in-ta Publ., 2010. 340 p. (in Russian).

Bolotnova N. S.

**Tomsk State Pedagogical University.**

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: [nisb@sibmail.com](mailto:nisb@sibmail.com)